

ПРИМЕНЕНИЕ НАРРАТИВНОЙ ТЕОРИИ ЛАБОВА В ФОЛЬКЛОРНОМ ДИСКУРСЕ

Абдувахабова Махина Азатовна

Самостоятельный соискатель НУУ, PhD, доцент

Одним из первых исследователей, обратившихся к проблеме периферии текста, был Ж. Женетт, который ввёл в научный оборот термин *паратекст* и предложил использовать данное понятие в западноевропейской лингвистике [1]. Ж. Женетт трактовал паратекст как вторичный, дополнительный элемент текста. Согласно его концепции, паратекст представляет собой результат совместной деятельности автора и издателя. К элементам паратекста исследователь относил заглавие, посвящение, предисловие, эпиграф, примечания, комментарии и другие сопроводительные компоненты текста.

На наш взгляд, такой подход позволяет рассматривать текст как целостную коммуникативную систему, поскольку паратекст подготавливает читателя к восприятию основного текста, направляет процесс его интерпретации и служит дополнительным средством выражения авторского и издательского замысла. В этом отношении концепция Ж. Женетта продолжает оставаться одним из ключевых теоретических направлений современной лингвистики текста и дискурс-анализа, раскрывая функциональную значимость периферийных элементов текста.

В настоящем исследовании в состав паратекста включены также иллюстрации как периферийные элементы дискурса. Они рассматриваются нами в качестве значимых компонентов паратекстуальной структуры и подвергаются дальнейшему анализу в соответствующих разделах работы.

В. Лабов определяет повествование как текст, состоящий как минимум из двух предложений, расположенных в строго определённой последовательности, при этом изменение порядка предложений неизбежно приводит к изменению содержания повествования. По мнению учёного, структура повествования при изложении событий включает следующие основные компоненты [2]: **Абстракт** (*Abstract*); **Ориентация** (*Orientation*); **Усложнение действия (развитие событий)** (*Complicating Action*); **Оценка** (*Evaluation*); **Развязка (результат, разрешение ситуации)** (*Resolution*); **Кода (заключение)** (*Coda*).

Абстракт представляет собой краткое изложение содержания повествования, тогда как ориентация содержит сведения о действующих лицах, времени и месте происходящих событий. На этапе ориентации даются ответы на вопросы: **кто?**, **что?**, **когда?** и **где?**.

Основной частью повествования является этап усложнения действия, который обеспечивает развитие основного драматического сюжета. Особую роль играет компонент оценки, поскольку именно он усиливает эмоциональную и прагматическую нагрузку текста. Оценка представляет собой один из наиболее интересных и одновременно наиболее сложных структурных элементов повествования. Она может присутствовать в любой части текста, однако оценочные слова и выражения, как правило, концентрируются в основной части повествования, способствуя повышению его выразительности и интереса для слушателя или читателя. На этапе развязки подаются сигналы,

свидетельствующие о завершении повествования. Кода представляет собой заключительный вывод, в котором сообщается о восстановлении жизненного порядка персонажей и окончательном завершении событий.

Структура повествования, основанная на модели В. Лабова, достаточно чётко прослеживается в фольклорных текстах. Так, например, в узбекской народной сказке «Зумрад и Киммат» этап **ориентации** содержит сведения о семье Зумрад и Киммат, условиях их жизни и месте действия. Этап **усложнения действия** раскрывается через несправедливое отношение мачехи к Зумрад и отрицательные поступки Киммат. Компонент **оценки** усиливается за счёт регулярно встречающихся в тексте эмоционально-оценочных характеристик, таких как «бедная Зумрад», «добрая девушка», «злая мачеха» и других выражений, отражающих ценностные установки повествования. На этапе **развязки** показывается, что Зумрад обретает счастье, а справедливость торжествует. **Кода** представляет собой заключительное сообщение о её дальнейшей счастливой жизни.

Поскольку в анализируемом нами фольклорном дискурсе компонент **абстракта** отсутствует, дальнейший анализ начинается с рассмотрения реализации следующего структурного элемента повествования – **ориентации**. В фольклорном дискурсе данный этап реализуется следующим образом:

Реализация компонента «Ориентация» в фольклорном дискурсе мужских персонажей:

Bir zamonlar bir podsho o'tgan ekan. Uning bitta-yu bitta o'g'li bor bo'lib, u nihoyatda yakkalikni yoqtirar, bolaligidan hech kim bilan suhbatlashmas, hech kimga qo'shilmaz ekan. Yillar o'tib, shahzoda voyaga yetibdi, ov qilishni odat qilib, sahro-yu tog'larda kezib yuradigan bo'libdi.

Kunlardan bir kuni podsho mamlakatdagi to'rt yuz qurandozni saroyga chorlab, ularga shunday buyuribdi: – O'g'limning taqdiriga qaranglar, kelajagi qanday ekan? Qurandozlar kitob ochib, qur'a tashlab, taqdir izlabdilar. Biroq qancha urinmasinlar, hech bir belgi, hech bir ishora topilmay, jimjitlik hukm suraveribdi. Oxiri bosh egib podshoning huzuriga qaytib: – Qur'a chiqmadi, – debdilar.

Bu so'z podshoning g'azabini alanga qilib yuboribdi: – Men sizlarni yillar davomida boqib, kiyintirib, davlatim ne'matiga sherik qilib kelayotgan bo'lsam-u, bitta o'g'limning taqdirini ham aytib bera olmadingizmi?! Qirq kun muhlat! Agar topsangizlar – tirik qolasizlar, topmasangizlar – barchangiz jazoga tortilasiz!

Qurandozlar qo'rquv va umid orasida kecha-kunduz kitob varaqlab, taqdir sirini izlashibdi. Ammo qancha urinmasinlar, yana ham hech qanday javob topa olishmabdi. Qirq kunning so'nggi tunlari yaqinlashib, tong yorishsa muddat tugashi aniq bo'libdi.

Oxirgi umidda ular yana bir bor yig'ilib: – Yana bir karra kitoblarga nazar tashlaylik, balki shahzodaning taqdiri bu safar ochilsa ajab emas, – deb yana izlanishga tushishibdi. Ammo bu safar ham taqdir pardasi ochilmay, sir o'zini yashirgancha qolaveribdi.

Once there was a widow who lived on a small plot of land she rented from a farmer. She had two sons, and in time came the moment when she had to send them out into the world to seek their fortunes.

One day she asked her elder son to fetch a can of water from the well, saying she would bake him a cake to take on his journey. She explained that the size of the cake

would depend on how much water he brought—large or small according to the amount—and that this would be all she could give him before he set off.

The boy went to the well, filled the can, and started back home. However, the can was broken, and most of the water leaked out before he returned. As a result, the cake turned out very small.

Even so, his mother asked him whether he would take half of it with her blessing, warning that if he chose the whole cake instead, he would receive it with her curse. The young man, thinking of the long journey ahead and unsure when he would find food again, decided to take the entire cake, regardless of his mother's disapproval. So she gave him the whole cake along with her curse.

Then he took his younger brother aside and gave him a knife to keep until his return, telling him to look at it every morning: as long as it remained bright and clean, it would mean he was safe and well; but if it became dull and rusty, it would signify that misfortune had befallen him.

After this, the young man set out to seek his fortune (The two brothers).

В английском мужском фольклорном дискурсе цель этапа **ориентации** раскрывается достаточно быстро, а дополнительные детали лишь конкретизируют и дополняют основную информацию. В узбекском фольклорном дискурсе, напротив, ориентация представлена более развёрнуто и характеризуется более продолжительным изложением.

В обоих примерах отчётливо реализуется этап «**ориентация**» (*orientation*) в модели повествования В. Лабова, выполняющий функцию представления участников событий, времени, места действия и исходных обстоятельств повествования. Вместе с тем между узбекским и английским фольклорными дискурсами наблюдаются определённые различия как в построении данного структурного элемента, так и в отражении в нём национально-культурных ценностей.

Прежде всего, в узбекской народной сказке этап ориентации начинается с описания царя, царевича и дворцовой среды: “*Bir zamonlar bir podsho o‘tgan ekan. Uning bitta-yu bitta o‘g‘li bor bo‘lib...*”.

В данном случае события разворачиваются на уровне высших слоёв социальной иерархии, где центральное место занимают происхождение героя, его социальный статус и предопределённость его судьбы. На этапе ориентации также раскрываются индивидуальные особенности царевича, такие как стремление к уединению и увлечение охотой. Кроме того, вводится основной конфликт, определяющий дальнейшее развитие сюжета, — желание царевича узнать свою судьбу.

В английской народной сказке, напротив, повествование строится не вокруг короля или представителей знати, а вокруг вдовы — представительницы простого сословия — и её двух сыновей: “*Once there was a widow who lived on a small plot of land...*”.

В данном случае внимание сосредоточено на материальном положении героев, образе жизни семьи и её трудовой деятельности. Таким образом, если в узбекской народной сказке этап ориентации основывается на идеях социального статуса и предопределённости судьбы, то в английской сказке центральное место занимают семейная жизнь и личная инициатива.

Во-вторых, в узбекском тексте этап ориентации отличается большей развёрнутостью и постепенно формирует драматический конфликт. Приглашение предсказателей, предоставление сорокадневного срока и гнев царя создают предпосылки для последующего развития сюжета. При этом особую значимость приобретают такие характерные для восточной мифологической картины мира концепты, как судьба, пророчество и божественная тайна.

В английской народной сказке мотив самостоятельного жизненного пути появляется уже на этапе ориентации. Приготовление матерью хлеба для сына, предоставление ему выбора между благословением и проклятием, а также оставленный младшему брату нож формируют символическую программу дальнейшего развития событий. Следовательно, в английской сказке этап ориентации не только знакомит читателя с персонажами, но и выдвигает на первый план идеи нравственного выбора и индивидуальной ответственности.

В женском фольклорном дискурсе наблюдается противоположная тенденция: в узбекском женском фольклорном дискурсе, в отличие от английского фольклора, этап **ориентации** реализуется более кратко и раскрывается значительно быстрее: *Bir kun chol o'libdi. Choldan bolalariga uchta narsa: keli, kelisop, narvoncha qolibdi. Katta o'g'li, kelini, o'rtanchasi kelisopni, kichigi narvonchani olibdi* (Kenja o'g'il).

Once upon a time there lived in Devonshire two serving damsels, called Molly and Sabina, who were very fond of ribands and finery. When their mistress scolded them for spending more money than they ought upon such things, they said the pixies were very kind to them and would often, for their amusement, drop pieces of silver into a bucket of clean water that they left out for those little beings in the chimney corner every night before going to bed (Lame Molly).

В женском фольклорном дискурсе этап **ориентации**, в отличие от мужского фольклорного дискурса, основывается не на вопросах политической власти, героизма или предопределённости судьбы, а на ситуациях, связанных с семейной жизнью, домашним бытом и повседневной действительностью.

В узбекской народной сказке предложение: «Однажды старик умер. После него детям в наследство остались три вещи: ступа, пест и небольшая лестница» знакомит читателя с семейной обстановкой героев, вопросами наследования и родственными отношениями. В английской народной сказке вступительная формула «*Once upon a time there lived in Devonshire two serving damsels, called Molly and Sabina*» содержит сведения о социальном положении героинь, месте их проживания и условиях повседневной жизни.

В обоих текстах повествование начинается не с событий государственного или общественного масштаба, а с описания домашнего пространства и бытовой среды. В результате в узбекском тексте образ женщины косвенно раскрывается через семейное пространство и систему родственных отношений, тогда как в английском тексте именно женские персонажи с самого начала оказываются в центре повествования.

Список использованной литературы

1. Genette G. Paratexts. Thresholds of Interpretation. (tr. J.E. Lewin) .– Cambridge: CUP, 1997.– 453 p.
2. Labov W. Language in the Inner City.– Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.